

## ИСТОЧНИКИ О СВОБОДЕ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ СТАРООБРЯДЦЕВ УРАЛА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (1905 – 1917 гг.)\*

Изучение религиозных прав человека признано делом чрезвычайно сложным, хотя бы из-за проблем с определением методологической и терминологической баз исследования<sup>1</sup>. Это же замечание можно отнести и к историческому аспекту темы, то есть к “истории оснований, характера, масштаба и усилий по претворению в жизнь существующих законодательных средств защиты интересов вероисповеданий и противодействия религиозной нетерпимости... к реакции различных религиозных сообществ на вышеупомянутые юридические средства”<sup>2</sup>. Создание исчерпывающей исторической ретроспективы проблемы религиозных прав в государстве, на территории которого проживают представители многих конфессий, зависит от наличия исследований, посвященных отдельным вероисповеданиям. Представленная статья рассматривает вопрос о положении старообрядцев на Урале<sup>3</sup> после провозглашения в 1905 г. принципа веротерпимости. Изложенные в работе результаты изысканий носят предварительный характер.

\* Данная статья написана по результатам исследования, проведенного при поддержке RSS/OSSF, грант № 1676/1999.

<sup>1</sup> Весьма интересны в этом отношении статьи в сборниках *Religious Human Rights in Global Perspective. Religious Perspective*. Atlanta, 1996; *Religious Human Rights in Global Perspective. Legal Perspective*. Atlanta, 1996. Часть статей издана на русском языке: См.: *Права человека и религия. Хрестоматия*. Сост. и науч. ред.: игумен В. Новак. М., 2001.

<sup>2</sup> *Литтл Д.* Изучение религиозных прав человека: методологические основания // *Права человека и религия*. С. 169.

<sup>3</sup> Урал являлся одним из крупных старообрядческих центров Российской империи. Здесь в 1897 г. приверженцы “древлего благочестия” составляли, около 3 % от всего населения, но их распределение по территории региона не было равномерным. В одних районах доля староверов среди жителей была выше (как, например, в Пермской губ. – 13 %), а в других – значительно ниже (см.: *Распределение старообрядцев по толкам и сектам*. Разработано Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб., 1901. С. 2–3, 12). При этом наиболее многочисленным на Урале было часовенное согласие. Часовенные составляли более 46 % от всего староверческого населения Вятской, Уфимской, Оренбургской, Пермской и Тобольской губерний, насчитывающего 595363 чел. (см.: *Статистические сведения о старообрядцах* (к 1 января 1912 г.). Издание департамента духовных дел МВД. М., 1912. Л. 1–3, 13).

\* \* \*

Годы с 1905 по 1917 зачастую образно называют “серебряным веком” старообрядчества. В 1905 – 1906 гг. был предпринят ряд шагов для утверждения веротерпимости, в том числе и по отношению к старообрядцам. Историки отмечают, что Манифест 17 апреля 1905 г. и Указ о старообрядческих общинах 17 октября 1906 г. ликвидировали дискриминацию религиозных меньшинств. В предреволюционное десятилетие старообрядцы более свободно, нежели прежде, могли устраивать богослужения, строить часовни, моленные дома и церкви, создавать школы и печатать книги<sup>4</sup>. Одновременно подчеркивается, что “Манифест 17 апреля создал благоприятные условия для достижения гражданского равноправия, которого давно добивались старообрядцы”<sup>5</sup>. Практически все исследования, посвященные этому периоду истории старообрядчества, отмечали различные проявления свободы на занятие религиозной деятельностью и обеспечение средств для нее, в то время, как почти без внимания остался другой аспект – нарушение провозглашенных свобод. Все вышесказанное приводит нас к необходимости еще раз подробно рассмотреть, какие права старообрядцы получили после издания указанных законов, и насколько реальна была возможность их использования<sup>6</sup>. Чтобы определить, какую роль сыграли изменения в законодательстве и эволюция права староверов на свободу вероисповедания, необходимо рассмотреть комплекс следующих документов:

---

<sup>4</sup>*Щанов Я. Н.* Старообрядцы в Москве между двумя революциями (1905 – 1917 гг.) // *Skupiska staroobrzędowców w Europie, Azji i Ameryce. Polska Akademia nauk. Instytut slawistyki. Warszawa.* 1994. С. 81–89; *Поздеева И. В.* Русское старообрядчество и Москва в начале XX в. // *Мир старообрядчества. Вып. 2: Москва старообрядческая. М., 1995. С. 6–40; Козлов В. Ф.* Московское старообрядчество в первой трети XX в. (храмы, молельни. общественные организации и учреждения) // *Старообрядчество в России (XVII – XX вв.). М., 1999. С. 190–242; Еришова О. В.* Старообрядчество и власть. М., 1999; *Она же.* Старообрядчество и государственная политика России в области вероисповедания во второй половине XIX – начале XX вв. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. д. и. н. М., 2000 и др.

<sup>5</sup>*Рожков Н.* Церковные вопросы в Государственной Думе. Рим, 1970. С. 46.

<sup>6</sup>Предполагается исследование гражданского права в двух его проявлениях: во-первых, в виде сформулированных законов, а во-вторых, поскольку “осуществление права — основной момент для его познания”, в виде результатов практического их применения. Проблема определения того, как “работала” та или иная норма и законодательство в целом, может быть решена методом сравнения права, зафиксированного в законах, с реалиями, отраженными в документах. Круг документальных источников, необходимых для данного исследования был определен в ходе анализа механизма действия права, в данном случае – механиз-

1. Законодательные акты: а) Манифест 17 апреля 1905 г. о свободе вероисповедания. Он состоит из Именного указа о свободе вероисповедания и “Высочайше утвержденных Положений Комитета министров об укреплении начал веротерпимости”; б) Указ о старообрядческих общинах 17 октября 1906 г.<sup>7</sup>

Изучение юридических источников позволяет установить, какие права предоставлялись старообрядцам, какой была свобода вероисповедания по определению этих законов.

2. Делопроизводственная документация местных государственных органов, включенных в механизм реализации гражданских прав. В основном это документы, хранящиеся в местных архивах: а) дела губернаторов и губернских правлений, связанные с прошениями старообрядцев; б) дела окружных судов, возбужденные по фактам нарушения законодательства. При этом необходимо учитывать то, что документы, связанные с судебно-следственным производством, свидетельствуют об отклонениях от нормы и неординарных ситуациях, но, одновременно, именно в силу этого свойства они дают наиболее адекватное представление о спектре проблем в сфере свободы исповедания; в) дела духовной консистории: рапорты священников о нарушениях старообрядцами каких-либо законов; документы, разрешающие переход (“отчисление”) из православия в старообрядчество.

---

ма реализации права свободы вероисповедания. Ограничение какого-либо права (в том числе и религиозного) может быть связано с рядом перечисленных ниже обстоятельств.

Во-первых, из-за того, что в законодательстве: а) существуют конкретные ограничительные условия или же, наряду с общими положениями основного закона, действуют уточняющие акты запретительного характера; б) провозглашенные права ограничены очень сложным механизмом реализации; в) нечеткие формулировки законов допускают двойное толкование того, что разрешено, а что запрещено.

Данные обстоятельства влекут возникновение второго блока препятствий, на уровне исполнительных и судебных властей, которые при наличии разрешительного законодательства: а) допускают принятие решений и действия, ущемляющие гражданские права сторонников какого-либо вероисповедания, вопреки закону; б) не в состоянии создать условия для реализации предусмотренных законом прав. Причиной такого положения дел могла быть коррумпированность, некомпетентность (недостаточное знание законов), сильная зависимость от влияния каких-либо сил, от традиционного мнения, иного, нежели требование вновь установленного закона и др.

Третий блок проблем связан с определенным уровнем развития гражданского самосознания, допускающим: а) безразличие к обладанию гражданскими правами в целом; б) пассивное отношение к нарушениям юридически закрепленного права.

<sup>7</sup>Полный текст Манифеста 17 апреля 1905 г. см.: Церковные ведомости. 1905. № 18. С. 126–134; Указ 17 октября 1906 г. цит. по: Свод законов Российской империи под ред. и с прим. И. Д. Мордухай-Болтовского. Кн. I. Т. II. СПб. 1912. С. 201–206.

3. Документы, раскрывающие отношение самих старообрядцев к полученным правам: их прошения в инстанции гражданской власти, материалы местных соборов, статьи в местной старообрядческой периодике – журнале “Уральский старообрядец”.

Изучение данного комплекса источников позволит выявить основные характеристики реализации религиозных прав старообрядцев после провозглашения в 1905 г. политики веротерпимости.

\* \* \*

Правовое положение старообрядцев в середине – второй половине XIX в. определялось несколькими законодательными актами. Согласно дополнениям, внесенным в Уложение о наказаниях в 1845 г., население страны было разделено по религиозному признаку на четыре неравные перед законом категории: 1) православные, 2) исповедующие другие христианские религии, 3) “отпадшие в ереси и раскол”, 4) приверженцы нехристианских религий. Переход из одной веры в другую, кроме перехода в православие, и проповедование любой другой религии влекли за собой возбуждение церковными властями расследования. Указ от 19 апреля 1874 г. определял “правила ведения метрических книг раскольников”<sup>8</sup>, затем, Указ от 3 мая 1883 г. предоставлял старообрядцам право более свободного, нежели прежде, исповедания своей веры, так, например, с разрешения гражданских властей можно было строить моленные дома (но без крестов и куполов) и проводить богослужения (без устройства крестных ходов и общественных церемоний, чтобы таким образом в староверие не “сворачивались” православные). Подобная либерализация законодательства создала ситуацию, когда при “гарантированной терпимости” старообрядцы не имели даже тех прав, которые были у исповедующих “иностранские” или языческие религии: кроме запрета “публичного оказательства раскола”, им не дозволялось устраивать свои типографии и печатать в них богослужебные книги, иметь особые иконы и священные изображения; вступление старообрядцев в иконописные цеха могло состоять-

---

<sup>8</sup>Согласно Указу 19 апреля 1874 г., метрические книги раскольников должны были заполняться в местных полицейских отделениях. В такие книги заносились сведения о рождении, браке и смерти; сведения эти предоставлялись самими старообрядцами и по их желанию (Свод законов Российской империи... Кн. 3. Т. IX. С. 108–111); положения Указа 3 мая 1883 г. вошли в различные разделы законодательства (см.: Свод законов Российской империи... Кн. 3. Т. IX. С. 34, 73; Кн. 5. Т. XIV. С. 18, 103).

ся только с разрешения министра внутренних дел и, наконец, у староверов не было даже права приема “лиц неправославных исповеданий”, добровольно пожелавших присоединиться к их вере<sup>9</sup>.

Дальнейшие изменения в области законодательства, касающиеся религиозных прав, произошли в 1905 – 1906 гг.: Указом императора от 17 апреля 1905 г. было отменено употребление термина “раскольники” по отношению к приверженцам старых обрядов<sup>10</sup>. “Положение об укреплении начал веротерпимости” и, последовавший через полтора года, 17 октября 1906 г., “Указ о старообрядческих общинах” провозглашали право свободного исповедания.

Для того, чтобы представить, как трактовалась данными двумя законами свобода вероисповедания, следует обратиться к основным формулировкам провозглашенных прав и данным источников об условиях их осуществления.

### 1. Право свободного перехода в старообрядчество<sup>11</sup>

Согласно провозглашенным правам человек мог свободно исповедовать избранную религию, но только после достижения им 21 года, а до этого возраста он должен был, несмотря на свои воззрения, оставаться в той вере, в которой крещен. Однако, это условие дей-

<sup>9</sup>См.: Рейснер М. А. Государство и верующая личность. СПб., 1909. С. 195.

<sup>10</sup>В церковной периодической печати, например в журнале “Миссионерское обозрение” этот термин после 1905 г. действительно перестали употреблять, однако сохранили все остальные однокоренные слова: один из разделов журнала по-прежнему назывался “Расколоведение”, белокрыницкую иерархию именовали “австрийским расколом”, встречались и “Раскольническое гонение на церковь”, и “Клевета раскольнической брошюры”, “раскольничьи деятели”. См.: Миссионерское обозрение. 1907. С. III–IV (оглавление).

<sup>11</sup>Свод Законов. Кн. 1. Т. II. С. 28–29. Общее Учреждение Губернское: Ст. 298 (3 июня 1837 г.; здесь и далее после каждой статьи в скобках указано время ее ввода в законодательство): Губернаторы обязаны, во всяком случае и всюю предоставленную им властью, содействовать православному духовному начальству в охранении прав Церкви и неизыблемости самой веры.

Свод Законов. Кн. 5. Т. XIV. С. 102. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Ст. 39. п. 1 (17 апр. 1905 г.): Отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь ограничение в гражданских и личных правах, причем отпавшее от православия по достижении совершеннолетия лицо признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало. Ст. 39. п. 2 (17 апр. 1905 г.): при переходе одного из <...> супругов в другое вероисповедание все не достигшие совершеннолетия дети остаются в прежней вере, исповедуемой другим супругом, а при таком переходе обоих супругов дети их до 14 лет следуют воле родителей, достигшие же сего возраста остаются в прежней религии.

Свод Законов. Кн. 1. Т. II. С. 201–205. Неофициальное Приложение I. Именной Высочайший Указ от 17 октября 1906 г. § I. п. 1. Старообрядцам предоставляется свободное исповедание их веры и отправление религиозных обрядов по правилам их вероучений.

ствовало только в случае с переходом из православия официальной церкви в старообрядчество. Если же, наоборот, появлялись желающие из среды старообрядчества присоединиться к православию, то возраст не играл никакой роли, переход совершался вне зависимости от достижения желающим совершеннолетия.

Более того, на практике, даже совершеннолетний гражданин реализовать свое право свободного перехода в старообрядчество мог не сразу, а лишь после исполнения процедуры, установленной циркуляром МВД № 4628 от 18 августа 1905 г. Сначала каждому желающему необходимо было подать губернатору заявление о переходе с приложением метрической выписки о крещении и возрасте. После получения такого прошения губернатор запрашивал духовную консисторию, не видит ли она препятствий к исключению просителя из списков православных господствующей церкви и причисления его к старообрядчеству. Консистория проверяла правильность информации в представленной выписке из метрической книги. До отмены Государственным Советом 14 марта 1906 г. статьи 56 Устава о предупреждении и пресечении преступлений, требовалось еще провести увещание “уклоняющегося”, чтобы убедить его отказаться от заблуждений и остаться в прежней вере<sup>12</sup>. Далее, если возраст был указан правильно, данный человек исключался из списков православных, о чем консистория сообщала губернатору, который, в свою очередь, в письменном виде извещал просителя.

Насколько востребованным было это право в Пермской губернии, можно проследить, обратившись к документам фонда губернского правления<sup>13</sup> в государственном архиве Пермской области. На каждое прошение заводилось отдельное дело. Всего их сохранилось 21.

Результаты решения по ним были таковы: 8 прошений удовлетворено, по пяти решение неизвестно, поскольку в деле либо не сохранились итоговые документы, либо дело не окончено, одно оставлено без рассмотрения, так как был не уплачен гербовый сбор, по трем прошением – поступил отказ из-за несовершеннолетия просителя<sup>14</sup>,

---

<sup>12</sup>Тем не менее, несмотря на отмену увещаний, подобные беседы с “отпадающими” священники проводили и после 1906 г. См.: ГАПО. Ф. 36. Оп. 2. Д. 29. Л. 18. – 1914 г.; ГАСО. Ф. 11. Оп. 5. Д. 3011. Л. 2–2 об. – 1915 г.

<sup>13</sup>ГАПО. Ф. 36. Оп. 2. Д. 19, 20, 24–26, 28–31. Оп. 3. Д. 29–38. Оп. 5. Д. 98.

<sup>14</sup>Там же. Оп. 3. Д. 36, 37.

по четырем делам выяснилось, что просители, по данным духовной консистории, никогда в списках православных не состояли<sup>15</sup> и всегда числились старообрядцами, поэтому вопрос об их переходе автоматически снимался.

Таким образом, большинство прошений удовлетворялось, а все решения были приняты на основании соответствующих статей закона. Однако, обращений таких было, как видно, не очень много, даже в таком старообрядческом районе каким была Пермская губерния (согласно данным переписи 1897 г. здесь проживало 218 396 старообрядцев и “уклоняющихся в раскол” от православия; по отношению к общей численности населения губернии это составляло 13,7 %) <sup>16</sup>.

Возможно, все дело было в громоздкой и длительной процедуре разрешения перехода. Ведь кроме того, чтобы написать в заявлении “... прошу сделать надлежащее распоряжение об отчислении меня из православного исповедания...” (формулировка варьировалась) необходимо было указать и другие данные: возраст, сословное состояние, род занятий, дату венчания, замужним женщинам – девичью фамилию. Необходимость предоставления подобных сведений редко была известна просителю с самого начала. Поэтому с первого раза заявление принималось не всегда. Кроме отсутствия в прошении ряда данных, препятствиями для его приема часто были недоплата или отсутствие гербового сбора. По этим причинам срок рассмотрения дела “об отчислении в старообрядчество” увеличивался, иногда на два месяца, а иногда и до полутора лет.

Поэтому довольно распространенным явлением был переход в старообрядчество без подачи заявления. Будучи не знакомыми с полным текстом указов об укреплении начал веротерпимости и о старообрядческих общинах, но зная, что этими актами “объявлена свобода старообрядчеству”, многие из “формально православных” староверов полагали, что теперь они могут на законных основаниях считать себя старообрядцами. Исходя из таких убеждений, они в даль-

<sup>15</sup>В этих прошених крестьяне с. Ирюмское Яутлинской вол. Шадринского у. просили дать им официальное удостоверение о том, что они являются старообрядцами, а не единоверцами, как считал местный единоверческий священник. При проверке действительно оказалось что они записаны в единоверие без всяких на то оснований, поскольку крещены были “у старика Козьмы Ивановича по старой вере”.

<sup>16</sup>Распределение населения по вероисповеданиям (по переписи 1897 г.) // Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии под редакцией секретаря Пермского губернского статистического комитета г. Попова. Пермь, 1905. С. 92–93.

нейшем обращались за исполнением треб уже не в православную церковь, а к старообрядческому священнику или наставнику.

Видя, как их паства “отпадает в староверство”, местные священники иногда пытались препятствовать не только фактическому, но и официальному отчислению в старообрядчество. Например, очень сурово отреагировал причт Покровской церкви деревни Чажеговой Чердынского уезда Пермской губернии на желание своих прихожан, кстати, присоединившихся к православию перед заключением брака семей Иванчиных и Исаевых, перейти обратно в старообрядчество: “Они... дали клятвенное обещание пребывать в православии до своей смерти и детей своих обязались воспитывать в православии же... посему просим губернское правление отклонить вышеуказанные ходатайства”<sup>17</sup>.

Переход в старообрядчество иногда был связан с намерением вступить в брак. Хотя законом “смешанные” браки запрещались<sup>18</sup>, традиционно считалось что муж и жена должны быть одной веры. Поэтому одному из будущих супругов приходилось менять вероисповедание. В этом случае у переходящих из православия господствующей церкви могли возникнуть проблемы. Например, священник деревни Булатовой Буткинской волости Константин Липин препятствовал вступлению крестьянской девицы Анны Самохваловой в брак со старообрядцем Кондратием Завьяловым. Он отказался венчать этих людей и не выдал невесте метрическую справку (свидетельство о том, что она достигла брачного возраста), объяснив, что “[до 1905 г.] не имел права выдавать таковых [документов], после издания новых законов о веротерпимости никаких распоряжений вновь мне дано не было”<sup>19</sup>. Священнослужитель по традиции полагал, что в своих действиях он, в первую очередь, должен руководствоваться старыми инструкциями церковного ведомства, даже если они противоречат вновь принятым общегосударственным законам.

---

<sup>17</sup>ГАПО. Ф. 36. Оп. 3. Д. 38. Л. 12.

<sup>18</sup>Старообрядцы в праве заключения смешанных браков уравнивались с лицами инославных исповеданий (“Высочайше утвержденные 17 апреля 1905 г. положения комитета министров об укреплении начал веротерпимости”. § II. п. 11). Однако, требовалось, чтобы обряд венчания был произведен сначала в православной церкви, и только потом уже старообрядческим духовным лицом. При этом перед бракосочетанием православный священник брал у “инославного лица” подписку в том, что дети от этого брака будут крещены и воспитываемы в православии (Свод законов. Кн. 4. Т. X. С. 7: Законы Гражданские. Ст. 67).

<sup>19</sup>ГАСО. Ф. 11. Оп. 5. Д. 4895. Л. 31 об.



Кроме того, существовал законодательно закрепленный вариант некоторого неравноправия приверженцев старообрядчества по сравнению с православными официальной церкви. Право перехода в староверие граждане получали только после достижения совершеннолетия – 21 года, а для перехода в православие никаких возрастных ограничений не было. По этой причине иногда возникали затруднительные ситуации. Например, когда старообрядец выбирал себе в жены девушку из православной семьи, брак не мог быть заключен, если ей не исполнился 21, когда она может перейти в его веру. Однако обычно возраст девушки “на выданье” был ниже 21 года<sup>20</sup>.

Так, в 1914 г. на имя Пермского губернатора поступило прошение от вдовы Анны Бакаевой, крестьянки Каслинского завода, с просьбой сделать исключение для ее 18-летней дочери и разрешить ей перейти в старообрядчество до совершеннолетия, отмечая, что “...бывает что из старообрядчества переходят в православие только исполниться 16 лет и таковых венчают”<sup>21</sup>, иначе жених – старообрядец Михаил Столбиков, “который желал дочь взять по старообрядчески теперь от нея отказывается и она должна остаться навсегда девицей... в виду того, что в Каслинском заводе существует такой обычай, что если какая-либо девица не выйдет в замужество до 21 года, то женихи уже для таких не избираются и считают их ‘старыми девами’”.

Поэтому следует сделать вывод, что в случае с реализацией права перехода в старообрядчество, возникало немало препятствий.

Тем не менее, хоть и не в массовом порядке, это право было востребовано. Например, в уральских губерниях за период с 1905 по 1911 гг. документально был зафиксирован переход в староверие 7 009 человек<sup>22</sup>.

<sup>20</sup>Разрешенный законом брачный возраст на основной территории России составлял 18 лет для мужчин и 16 – для женщин. К середине XIX в. большая часть деревенских девушек вступала в брак до 21 года, а мужчин до 23 – 24 лет. В период 1867 – 1910 гг. средний возраст русских невест вступавших в первый брак равнялся 21.4 года, причем в деревнях он был ниже этой цифры, и к тому же снижался с запада на восток (Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX вв.). Т. 1. СПб., 1999. С. 168–169).

<sup>21</sup>ГАПО. Ф. 36. Оп. 3. Д. 37. Л. 15–15 об.

<sup>22</sup>Статистические сведения о старообрядцах... С. 1–3: в Вятской губ. зарегистрировано 89 переходов, в Уфимской – 105, в Оренбургской – 0, в Пермской – 1 550 и в Тобольской – 5 265.

## 2. Право образовывать старообрядческие общины<sup>23</sup>

Согласно законодательству, полномочия по регистрации, проверке деятельности и закрытию старообрядческой общины по сути своей религиозного объединения, принадлежали гражданским властям, а именно – губернаторской администрации, действия которой можно было обжаловать только в Сенате. И это не способствовало исчезновению у старообрядцев предубежденного отношения к учреждению официальной общины под контролем государства.

Сохранившиеся дела светских и церковных учреждений: губернских статистических комитетов, правлений, окружных судов, духовных консисторий и департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД – свидетельствуют о том, что право регистрации общин также было востребовано. По данным Тобольского губернатора, в 1910 г. в его губернии насчитывалось 27 вновь зарегистрированных общин<sup>24</sup>. Известно, что Пермским губернским правлением в 1907 г.<sup>25</sup> были рассмотрены прошения о регистрации 7 общин: трех – поморского согласия и четырех – белокриницкого. В 1911 г. представители 15-ти зарегистрированных общин часовенного согласия отправили в МВД ходатайство о разрешении съезда<sup>26</sup>. Годом позже список старообрядческих общин Пермской губернии насчитывал 86 пунктов<sup>27</sup>.

<sup>23</sup>Свод Законов. Кн. 3. Т. X. Ч. 1. С. 36. Законы гражданские. Ст. 413. прим. (17 окт. 1906 г.): Присвоить религиозным обществам старообрядцев наименование общин.

Свод Законов. Кн. 1. Т. II. С. 201–205. Неофициальное Приложение I. Именной Высочайший Указ 17 октября 1906 г. § I. п. 1: Старообрядцам предоставляется... образование религиозных общин. Образование общин идет в порядке указанном... правилами. § I. п. 6: Если в деятельности общины обнаруживаются действия, противные закону и ограждающим нравственность постановлениям, губернатор, приостановив собственно властью действие общины, решение о закрытии предоставляет губернскому правлению. Жалобы на постановления губернского правления подаются в I-й департамент Сената. § I. п. 7–8. Старообрядцы, желающие образовать общину, предоставляют в губернское правление заявление с подписями не менее 50 чел. § I. п. 9: Губернское правление обязано рассмотреть заявление об образовании общины в течении 1 месяца. В случае разрешения общины данные о ней вносятся в реестр, который ведет правление и со времени внесения община может пользоваться всеми предоставленными ей правами. § I. п. 13: Внесенным в реестр общинам предоставляется право: избирать духовных лиц, настоятелей, наставников, сооружать храмы, молитвенные дома, богоугодные заведения, школы, приобретать и отчуждать недвижимое имущество, образовывать капиталы, заключать договоры, искать и отвечать на суде. Приобретение общиной имущества на сумму свыше 5 000 руб. допускается только с Высочайшего соизволения.

<sup>24</sup>РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 812. Л. 141–142; ГАГО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 210. Л. 37–38, Д. 253. Л. 16, Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 1257. Л. 1 об.–2 об.; ТФ ГАГО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 249, 283.

<sup>25</sup>ГАПО. Ф. 36. Оп. 6. Д. 214–216, 218, 877, Оп. 10. Д. 49.

<sup>26</sup>РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 63. Л. 36.

<sup>27</sup>Статистические сведения о старообрядцах... С. 1–3: в 1912 г. в Вятской губ. было 32 общины, в Уфимской – 28, в Оренбургской – 31, в Тобольской – 32.

Однако, кроме тенденции увеличения числа официально зарегистрированных общин, одновременно наблюдается возникновение другого направления, так называемого противообщинного.

В полемических статьях известного начетчика Афанасия Трофимовича Кузнецова, опубликованных на страницах журнала часовенных “Уральский старообрядец”, подчеркивается большое значение права официальной организации общин и “получение таким образом юридических и церковных прав старообрядчеством”, данное “Указом о старообрядческих общинах” 17 октября 1906 г., одновременно замечается, что “нашлись однако и такие люди, которые в общине видят не что иное как грех и отступление от веры отцов”<sup>28</sup>. А. Т. Кузнецов называет их “противообщинниками” и перечисляет приводимые ими доводы: 1. Через посредство общин всех старообрядцев обобщат с великороссийской церковью, отсюда и название будущего объединения – община. 2. Так как общины открываются с разрешения гражданских властей, значит эти гражданские власти оставляют за собой право контролировать общины, а следовательно, и притеснять. 3. а) Указ 1906 г. издан не от Евангелия и не согласован с преданием св. отцов; б) Указ издан не христианами, а неправильно верующими; в) Указ издан для старообрядцев, а не для христиан, “мы же не старообрядцы, мы православные христиане”. 4. В ст. 1 этого Указа объявлена свобода вероисповедания, а циркуляр МВД от 18 августа 1905 г. разрешает присоединение к зарегистрированной старообрядческой общине только после достижения 21 года и только после представления заявления губернатору, иначе лицо, нарушившее данный порядок привлекается к уголовной ответственности, а это опять же грозит преследованиями. 5. Как можно допускать, чтобы настоятели общины утверждались губернаторами, которые нередко являются протестантами или католиками<sup>29</sup>.

Вероятно, именно эти пункты стали заключением собора “противообщинников”, состоявшегося 13 – 15 января 1912 г. в с. Горбуново Верхотурского уезда Пермской губернии. А. Т. Кузнецов упоминает о том, что среди “вдохновителей” неприятия регистрации общин были “какие-то” скитники: Сергей, Варлаам, Ефросин, Климент “и

<sup>28</sup> Кузнецов А. Т. Общины и их развитие // Уральский старообрядец. 1915. № 2. С. 19.

<sup>29</sup> Кузнецов А. Т. Общины и противообщинники // Уральский старообрядец. 1915. № 6. С. 25–29; № 7. С. 12–20; № 8–9. С. 13–18; № 10. С. 12–16.

другие им подобные”. Предполагается, что этот собор был устроен в ответ на обсуждение вопроса об общинах на I Всероссийском съезде часовенных 25 – 30 октября 1911 г. в Екатеринбурге: на съезде после долгой дискуссии тема регистрации общин так и осталась открытой. Представители общин таких крупных городов и заводских поселков, как Екатеринбург, Челябинск и Невьянск выступили за принятие правил “Положения” 1906 г., против были старообрядцы-крестьяне, всегда настроенные более консервативно<sup>30</sup>.

О том, что отношение к официальному учреждению общин в таком центре горнозаводского Урала, как Нижний Тагил было очень осторожным, говорит тот факт, что при голосовании по этому вопросу на собрании местных старообрядцев-часовенных старики были настроены отрицательно, а “ярый противообщинник Шамин разорвал лист на мелкие части и бросил на пол, говоря: “наши деды никаких общин не знали, не надо знать их и нам”. Вопрос о регистрации общины там так и не был решен положительно.

В действительности, во многом опасения противообщинников были верны. Существование зарегистрированных общин было связано с соблюдением множества формальных правил. Например, избрание нового наставника или изменение состава Совета общины должно было проводиться только согласно порядку, прописанному в законе<sup>31</sup>. В ином случае решение общины не утверждалось губернатором. Такой же результат был, если община долго не могла прийти к единому мнению, постоянно не добирая необходимого для однозначного решения количества голосов (требовалось не менее 2/3 от общего количества членов общины), или если кандидатура избранного священника не устраивала власти. Например, новый наставник зарегистрированной в 1907 г. Федулинской старообрядческой общины (с. Федулино Оханского уезда Пермской губ.) был утвержден только в 1915 г. Несмотря на ходатайства старообрядцев предлагаемая прежде кандидатура губернатором была отклонена из-за подозрения в участии в революционных волнениях 1905 г.<sup>32</sup>

---

<sup>30</sup>Труды I Всероссийского съезда старообрядцев не имеющих священства (часовенных) в г. Екатеринбурге 25 -- 30 октября 1911 г. (1911 г.) Екатеринбург, 1912. С. 34, 40-41.

<sup>31</sup>Обычно на старообрядческих соборах решения принимались простым большинством голосов. Указ 17 октября 1906 г. требовал по ряду принципиальных вопросов (избрание и увольнение от должности) закрытого голосования, а в некоторых случаях одобрение 2/3 присутствующих на собрании.

<sup>32</sup>ГАПО. Ф. 36. Оп. 10. Д. 49. Л. 150-159.

Кроме всего прочего, наставники всех зарегистрированных общин были обязаны вести метрические книги, записывая в них все рождения, браки и смерти в семьях членов общины и становились звеном в государственной системе учета населения. Ведение книг проверялось губернским правлением в конце каждого года. По всем случаям неправильного исполнения треб проводились расследования, и виновные несли соответствующее проступку наказание. Поэтому неудивительно, что старообрядческие наставники стремились уклониться от подобной работы, к тому же некоторая часть староверов всегда с большим подозрением относилась к записи в какие-либо учетные документы.

Можно предположить, что главным образом по этой причине образованная в 1907 г. община даниловского согласия Екатеринбургской волости Оханского уезда Пермской губернии в 1913 г. ходатайствовала перед пермским вице-губернатором о своем “закрытии и исключении из всех списков”, объясняя что, во-первых, у них умер старый наставник, а новый не в состоянии исполнять обязанности по ведению метрических книг, а, во-вторых, “официальность общины не согласуется с духом их толка и не имеется совершенно никакой надобности в существовании общины”<sup>33</sup>. Ходатайство в Пермском губернском правлении удовлетворили. Почти также была закрыта в 1916 г. Мишкинская старообрядческая община в Тобольской губернии<sup>34</sup>. Характерно, что в обоих случаях инициатива принадлежала самим староверам.

Бывало, что качество заполнения метрических книг старообрядцами и порядок их отсылки на проверку в губернское правление не соответствовали установленным требованиям. Например, в 1910 г., тобольский губернатор обнаружил, что из 27 занесенных в его реестр общин только пять присылают метрические книги на ревизию, да и те заполнены “неправильно и небрежно”, и он сразу же прибег к самому вескому доводу: предупреждению всем зарегистрированным общинам о том, что, если в течение ближайшего времени это упущение не будет исправлено, виновные общины будут закрыты<sup>35</sup>.

<sup>33</sup>ГАПО. Ф. 36. Оп. 6. Д. 218. Л. 79.

<sup>34</sup>РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 71. Л. 31–31 об.

<sup>35</sup>Там же. Оп. 10. Д. 812. Л. 141–142. По Указу 17 октября 1906 г. губернатор действительно имел право прекратить деятельность общины в случае нарушения ею закона.

Очевидно, все эти обстоятельства способствовали тому, что часть старообрядцев вообще не спешила воспользоваться свободами, дарованными Положением 17 октября 1906 г., считая вполне удовлетворительным существование общины de-facto, и вовсе необязательным получение юридического статуса.

В то же время, хотя устройство незарегистрированных общин не являлось противозаконным, деятельность их наставников квалифицировалась статьей 97 Уголовного Уложения как незаконное присвоение сана священнослужителя христианского вероисповедания, которое наказывалось заключением в тюрьму. Следует однако заметить, что в судебном делопроизводстве рассматриваемого периода практически отсутствуют дела по данной статье, несмотря на то, что существовало огромное количество незарегистрированных властью духовных лиц и общин. Рискнем предположить, что широкая распространенность и привычность этого явления, а также отсутствие у светских властей возможностей и желания решать данную проблему были причиной сложившегося положения дел.

### 3. Право старообрядческих наставников отправлять обряды<sup>36</sup>

Право на свободное оправление духовных треб было записано в п. 8 разд. II Указа 17 апреля 1905 г., но одновременно с этим действовала и ст. 93 Уголовного Уложения, запрещающая совершение священнодействия “над заведомо православными”, не достигшими совершеннолетия, а также ст. 97 Уголовного Уложения, запрещающая самовольное присвоение сана священнослужителя христианско-

---

<sup>36</sup>Свод Законов. Кн. 5. Т. XV. С. 249. Уголовное Уложение. Ст. 93 (22 марта 1903 г.): Духовное лицо инославного христианского исповедания, состоящее в сане священнослужителя или в звании настоятеля или наставника старообрядческого согласия или сектантской общины, виновное... в совершении по своим обрядам над заведомо православными не достигшими совершеннолетия, конфирмации, миропомазания или иного священнодействия, знаменующего принятие в православную веру, или в совершении по своим обрядам или в допущении крещения ребёнка, заведомо подлежащего крещению по правилам веры православной... в совершении брака лица инославного исповедания прежде совершения брака православным священником, наказывается: денежной пеней не свыше трехсот рублей. Сверх того, виновный, в случае, пунктом 1 сей статьи указанном, удаляется от занимаемой должности на время от трех месяцев до одного года, а при повторении на время от одного года до трех лет или навсегда... в случае повторения проступка, пунктом 4 сей статьи указанного – на время от трех до шести месяцев. Ст. 97 (14 марта 1906 г.): Самовольно виновный в учинении священнодействия, которое может быть совершаемо только священнослужителем сего вероис-

го вероисповедания, то есть фактически санкционирующая деятельность только духовных лиц зарегистрированных общин. Таким образом, статьи 93 и 97, уточняя понятие “свободное отправление обрядов” ограничивали религиозные права. Указанными статьями Уголовного Уложения, принятыми в 1903 и 1906 гг. и продолжающими действовать после объявления свободы вероисповедания и правил организации старообрядческих общин, создавалось двусмысленное положение: священник может свободно совершать обряды крещения, венчания и отпевания, но он должен точно знать, что эти требы он совершает не над православными господствующей церкви. В условиях, когда церковная статистика по старообрядцам велась неточно, “уклонения в раскол” не всегда фиксировались. Даже сами обращающиеся не могли гарантировать, что они не внесены в списки прихожан какой-либо православной или единоверческой церковью. Поэтому наставники и священники, выполняющие обряды, время от времени оказывались в центре внимания властей. Обычно нарушения выявлялись в ходе проверки метрических книг, которые, как уже отмечалось, должны были предоставляться ежегодно в губернское правление для ревизии. Рассмотрение всех случаев подобных нарушений происходило в суде. В качестве примера итогов этих разбирательств приведем несколько приговоров:

1 ноября 1910 г.: на три месяца был удален от должности священник Свято-Троицкой старообрядческой общины в г. Екатеринбург-

---

поведания, наказывается: заключением в тюрьме. Если виновный совершил крещение или бракосочетание, то он наказывается: ...заключением в исправительном доме.

Свод Законов. Кн. 1. Т. XVI. С. 103. Устав о предупреждении и пресечении преступлений (основание – Именной Высочайший Указ 17 апреля 1905 г. § II. п. 7–8). Ст. 45. п. 3: Духовным лицам, избираемым общинами старообрядцев и сектантов для отправления духовных треб, присваивается наименование “настоятелей и наставников”, причем лица эти, по утверждению их в должностях надлежащею правительственною властью, подлежат исключению из мещан и сельских обывателей, если они к этим состояниям принадлежали, и освобождению от призыва на действительную военную службу и именованию, с разрешения той же гражданской власти, принятым при постриге именем, а равно допускается обозначение в выдаваемых им паспортах, в графе, указывающей род занятий, принадлежащего им среди этого духовенства положения, без употребления, однако, православных иерархических наименований. Ст. 46: Тем же духовным лицам (ст. 45. п. 3) разрешается свободное отправление духовных треб как в частных и молитвенных домах, так и в иных потребных случаях, с восприемлением лишь надевать священнослужительское облачение, когда сие будет возбранено законом.

Свод Законов. Кн. 1. Т. II. С. 201–205. Неофициальное Приложение I. Именной Высочайший Указ 17 октября 1906 г. § I. п. 6: На духовных лиц, настоятелей, наставников возлагается ведение метрических книг.

ге Андрей Бердышев за венчание 17-летней православной крестьянки Лукерьи Шестаковой со старообрядцем Александром Коноваловым, “по их обоюдному согласию и с согласия их родителей... не думая, по незнанию законов, что церковное совершеннолетие не совпадает с гражданским”<sup>37</sup>.

5 сентября 1911 г.: тот же самый священник приговорен Екатеринбургским окружным судом к такой же мере наказания за крещение в 1909 г. сына крестьянина Григория Кабакова. Г. Кабаков и его жена считали себя старообрядцами. Формально же, как оказалось при расследовании, они все еще являлись прихожанами одной из православных церквей, поскольку официального заявления о своем переходе в губернское правление не подавали<sup>38</sup>.

14 декабря 1911 г.: настоятель Федулинской старообрядческой общины Оханского уезда Пермской губернии Василий Плотников за освящение двух смешанных браков удален судом от должности на 3 месяца с уплатой 15 рублей штрафа.

В январе 1915 г. Екатеринбургская духовная консистория информировала Верхотурского исправника о том, что наставник беспоповской общины с. Петрокаменского Иван Зудов совершил обряд погребения по старообрядческим правилам над умершей православной<sup>39</sup>. После разбора дела исправником оказалась, что почившая незадолго до смерти послала прошение губернатору об исключении ее из православия и переводе в старообрядчество, но дело не успели решить. Тем не менее, при его удовлетворении, дата написания заявления стала бы считаться датой перехода в старообрядчество. А поскольку дело по вине властей вовремя рассмотрено не было, то поступок Зудова, в этом случае, мог считаться правомерным: он отпел старообрядку, заявившую о своем переходе из православия. Однако обнаружилось, что наставник не зарегистрирован в реестре губернского правления и его действия квалифицируются как преступление по статье 97 Уголовного Уложения – совершение обрядов лицом, самовольно присвоившим себе звание наставника. Дело было направлено прокурору, но, так как приговор суда в деле не зафиксирован, окончательный результат так и остался неизвестным.

---

<sup>37</sup>ТАСО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 796. Л. 31 об.

<sup>38</sup>Там же. Оп. 5. Д. 2836. Л. 64–68.

<sup>39</sup>ГАПО. Ф. 36. Оп. 6. Д. 219. Л. 1–3.



---

При этом, однако, следует принять во внимание, что старообрядческих священников и настоятелей, занесенных в реестр губернского правления было, например в Пермской губернии около 30, а общее число старообрядцев по переписи 1897 г. – 95 174 человек<sup>40</sup>, Наставник (или священник) был почти в каждой деревне и заводском поселке, где проживало старообрядческое население. В этих условиях крайняя малочисленность расследований деятельности незарегистрированных наставников и священников говорит, скорее всего, о том, что местные власти не стремились брать на себя масштабный контроль за старообрядцами. Тем более, что этому способствовала широкая распространенность и традиционность совершения обрядов у староверов нигде не зафиксированными лицами.

Исследование механизма осуществления права личности на свободу вероисповедания в период 1905 – 1917 гг. на примере старообрядцев свидетельствует о том, что существовало немало препятствий и ограничений для пользования этим правом. Значительную роль в данной ситуации играло несовершенство законодательства, сохраняющего господствующее положение официального православия и неравноправие по сравнению с ним представителей других вер. Кроме того, оправдались высказываемые общественными деятелями накануне издания Указа об общинах опасения введения контроля исполнительной власти за деятельностью старообрядческих объединений: “у нас и так администрация страдает смертельной болезнью: следя мелочно за мелочным... она не имеет времени подумать о принципиальном и существенном. Вот и сейчас ее обяжут ввязываться в тонкое духовное дело религиозной совести”<sup>41</sup>. Через 10 лет после провозглашения веротерпимости старообрядцы восклицали: “...деревцо свободы, посаженное царской властью в 1905 году не развилось и почти ничуть не выросло за это время, оно зачахло, у него обломали немногочисленные ростки циркуляры и различного рода министерские разъяснения... осталось ободранное голое деревцо, тенью и защитой которого предоставляется нам пользоваться”<sup>42</sup>.

---

<sup>40</sup>В это число не вошли “уклоняющиеся от православия”.

<sup>41</sup>Розанов В. Закон о веротерпимости в его осуществлении // Старообрядец. 1906. № 4. С. 463.

<sup>42</sup>Л-н П. Старообрядцы и свобода // Слово церкви. 1916. № 19. С. 428–429.